

Глава 1

Настоящее

Уже половина первого, а повозки до сих пор нет. Бандиты начинают беспокоиться. И я тоже. Последние два часа мы сидим, скорчившись, в зарослях леса Дунрейвен, укрывшись среди высоких папоротников недалеко от грунтовой дороги. Погода довольно хороша: солнечный свет струится сквозь кроны высоких дубов, и где-то неподалеку красная птица напевает веселую мелодию. Но у меня болят икры, ноет спина, и, если эта повозка в ближайшее время не появится, меня ждут большие неприятности.

— Что-то долго, Алка, — говорит Дрелл.

Это главарь бандитов, здоровенный громила с полным ртом золотых зубов и татуировкой черепа, набитой на затылке лысой головы. Я целую неделю изучала таверны Нью-Финли, оценивая всех головорезов и подонков, прежде чем остановилась на нем. Возможно, Дрелл слишком груб и от него постоянно несет скисшим пивом, но он не так уж плох для разбойника с большой дороги. Он все продумывает, слушает, когда я говорю, и не сделал мне ничего плохого.

— Ты уверена, что наводка была хорошей?

— Да, — отвечаю я, хотя на самом деле совсем в этом не уверена.

Шепот сказала, что карета проедет здесь утром, а уже почти полдень.

— Хорошо. — Дрелл кладет волосатую руку на рукоять сабли, висящей на его бедре. — Надеюсь, так и есть. Ты мне нравишься, Алка, но ребята не обрадуются, если их время потратят впустую.

«Ребята» — именно то, что больше всего меня беспокоит. В подобном деле было не обойтись без команды. Вот они: Лиланд, долговязый и бледный, хмуро смотрящий в мою сторону с арбалетом в руках; Файз, ситхарский наемник со шрамами и патронташем ножей на груди; и Григгс, грозный Велкшен с огромным топором.

Я могу убить всех, если до этого дойдет. Но предпочла бы не подвергать себя этому испытанию.

Лиланд снимает напряжение резким вдохом.

— Приближается, — рычит он, натягивая арбалет. — Занять позиции.

Слава Богам, он прав. Сейчас и я услышала цокот копыт и скрип колес повозки по грязи. Мы садимся на корточки, затаиваем дыхание, расчехляем оружие. Ну, точнее, они расчехляют. У меня оружия нет, по крайней мере, такого, какое они могли бы увидеть. Насколько известно Дреллу и его «ребятам», я всего лишь бродячая мошенница, предложившая им работу, кокетка из таверны, ищущая немного золота.

Они и понятия не имеют, на что я способна.

Деревья на дороге зашелестели, и в поле зрения появилась повозка. Это и правда богато украшенная деревянная карета с закругленной крышей и позолоченными колесами, запряженная двумя коренастыми пятнистыми лошадьми. Кучер сидит в передней части, лицо его скрыто за широкополой шляпой, а меч, висящий сбоку, говорит о том, что он также телохранитель. Окна закрыты ставнями, так что я не могу заглянуть внутрь, но печать рычащего тигра в обрамлении красного солнца на боку повозки говорит все, что мне нужно. Семейный герб семьи Девинтер. Моя цель.

Дрелл кивает мне. Пора. Я делаю глубокий вдох, собираюсь с мыслями, и вот я уже несусь сквозь папоротники прямо к дороге.

— На помощь! — кричу я, вскидывая руки. — Прошу вас, сэръ! Помогите!

Кучер дергает поводья, и от резкой остановки его лошади пятятся назад.

— Боги! — рявкает он. — Кто ты, черт возьми, такая?

— Прошу вас, — всхлипываю я. По моим щекам текут настоящие слезы. Это довольно убедительное представление, если мое мнение в счет. — Вы должны мне помочь. На мою семью напали разбойники чуть выше по тропе. Я едва вырвалась. Все они... все они... — Я падаю на колени, преграждая путь повозке, и одним глазом вижу, как мои бандиты окружают ее, занимая позиции. — О, Боги! Они все мертвы.

Кучер скептически приподнимает бровь в мою сторону. Я практически вижу, как крутятся шестеренки в его голове, пока он оценивает меня. Мне семнадцать, но я выгляжу моложе, ростом чуть больше пяти футов. Мои темно-каштановые волосы растрепаны по плечам, на мне длинное розовое платье с оборками на рукавах, заляпанное грязью и разорванное по бокам.

Этого недостаточно.

— Извини, девочка, — говорит кучер, пожимая плечами. — Я занят. Если тебе нужен констебль, следуй по дороге в Нью-Финли.

— Путь туда займет не меньше дня! — взмаливаюсь я. — Пожалуйста, сэръ. Умоляю вас! Смилуйтесь!

— Милосердием не заплатишь за эль, — усмехается он. — А теперь отойди с дороги, пока я... — Но он так и не закончил фразу, потому что Файз, облокотившись на борт повозки, прижал острие кинжала к нижней части его горла. Кучер отшатывается, его рука тянется к мечу, но Файз его останавливает, поднимая лезвие вверх, выпуская струйку крови, когда оно врезается в мягкую щетинистую плоть шеи.

— Я бы этого не делал, — говорит Файз. — Не стоит, если дорожишь жизнью.

Вокруг нас появляются другие бандиты: Лиланд с поднятым арбалетом, Григгс с обнаженным топором и Дрелл, уве-

ренно шагающий по дороге. Глаза кучера бегают из стороны в сторону, но он выглядит совсем не таким обеспокоенным, как мне бы хотелось.

— Это ограбление, приятель, — кричит Дрелл. — Делай, что говорят, и никто не пострадает.

Я поднимаюсь на ноги, вытирая слезы рукой, а кучер рычит на меня с таким злым взглядом, что он мог бы разрезать камень.

— Ты совершаешь ошибку, — говорит он. — Серьезную ошибку.

Лиланд дергает дверь повозки, но она не поддается.

— Заперто.

— Дай-ка сюда ключи, дружище, — говорит Дрелл. Его голос спокоен, мягок, даже когда он полностью серьезен. — Нам нужен твой товар, а не твоя жизнь.

Я надеялась, что кучер облегчит мне задачу, но он не сдвигается с места, что впечатляюще для человека, по чьей шее струится кровь.

— Мой товар, — повторяет он, качая головой. — Вы понятия не имеете, что здесь, да?

Лиланд снова дергает за ручку, но это все так же бесполезно, и теперь Дрелл наконец достает свой меч. Это дорогая изогнутая сабля с островов Киндрали, ее лезвие сияет золотом в тусклом свете.

— У тебя есть последний шанс открыть ее, — говорит он. — А потом все станет куда хуже.

Затуманенные глаза кучера сужаются.

— Теперь слушай сюда. Я нахожусь на службе у генерала Грейсона Девинтера, его династия признана Сенатом. В этой карете его дочь. Дочь-*Волшебница*. Вы понимаете, что это значит, придурки? Вы хоть представляете, что с вами будет, если не отпустите нас?

Бандиты с беспокойством смотрят на меня.

— О чем это он? — шипит Лиланд.

— Он лжет, — говорю я, но мой голос на мгновение прерывается. — Это блеф. Единственное, что есть в этом фургоне, — это мешки с золотом.

— Кучка Смиренных убивает Волшебника? Сенат этого просто так не оставит, — продолжает кучер. — Они будут охотиться за вами, куда бы вы ни пошли. Они сдерут кожу с ваших костей. Убьют ваших жен, матерей, детей. Это ваш последний шанс.

— Нет, это *твой* последний шанс, — восклицает Дрелл. Он понимает, даже если другие бандиты не понимают: к этому моменту уже не имеет значения, что является правдой. Мы слишком далеко зашли, чтобы повернуть назад. — Григгс. Ломай дверь.

Григгс одобрительно хмыкает и выходит вперед, отталкивая Лиланда. Он откидывает топор назад, готовый нанести мощный удар.

Тогда я почувствовала это. В воздухе повеяло холодом, неестественным для летнего дня. Жужжащим звуком, похожим на рой саранчи. Карету окутала тьма, как будто весь свет вокруг нее потускнел, а она укрылась в тени. Другие этого не видят, но я вижу, и мой желудок сжимается.

Скопление магии. Надвигающийся шторм.

Все летит к черту.

Изнутри кареты раздается раскат грома, и ее стенка взрывается, разлетаясь волной зазубренных осколков, разрывающих Григгса на кровавые клочки. Его так и не использованный топор отлетает обратно в кусты, а тело, то, что от него осталось, с мокрым шлепком ударяется о деревья. Пыль наполняет воздух, ослепляя и жаля. Сила взрыва сбивает меня с ног, отбрасывает Дрелла в лес и заставляет Лиланда пошатнуться, нащупывая свой арбалет. Внутри разрушенной повозки раздается движение, треск света, звук скрежета металла, и раскаленная черная полоса прорезает воздух с невероятной скоростью. Секунду голова Лиланда держится на плечах. Но через мгновение отлетает в кусты.

— Назад! — кричит мужской голос, дрожа от страха.

Это Файз, он стоит посреди дороги, держа перед собой кучера, как щит, к горлу которого по-прежнему прижат кинжал. — Назад, или твой слуга умрет!

На мгновение воцаряется тишина, долгая и напряженная, а затем из-за борта кареты появляется фигура. Как только пыль рассеивается, я могу ее разглядеть. Леди Алайна Девинтер. Мы никогда не встречались. Она понятия не имеет, кто я такая. Но я знаю о ней все. Последние три года я думала только о ней. Ее имя крутилось в моей голове каждую ночь, когда я засыпала. Алайна Девинтер, Алайна Девинтер, Алайна Девинтер.

Алайна — девушка моего возраста в длинном голубом платье, с длинными каштановыми волосами, спадающими по спине в чудесно переплетенных косах, и золотым ожерельем с массивным рубином, сверкающим у основания шеи. Она глубоко погружена в Пустоту: ее глаза абсолютно черные, темные, как ночное небо, сверкающие десятками пляшущих точек света, похожих на светлячков. Файз с кучером устали на ее лицо, а я смотрю прямо на ее руки, оценивая локусы. Волшебные палочки, одинаковые, по одной в каждой руке. Судя по виду, из черного дерева, с заостренными наконечниками из слоновой кости и кожаными рукоятками. Дорогие. Профессиональные. Могущественные.

Мое сердце колотится о ребра, а дыхание перехватывает. Согласно моей наставнице Шепот, Алайна считалась неподготовленной, новичком, которая никогда даже локусов в руках не держала. И вот, пожалуйста, — высекает боевые глифы.

— Я не шучу! — повторяет Файз, подталкивая кучера вперед. — Брось эти палочки, или твой слуга умрет!

— Прошу вас, миледи, — умоляет кучер, вот *теперь* выглядящий действительно испуганным. — Я прикрывал вас, так ведь? Я делал, как мне было велено? Я на вашей стороне!

Губы Алайны кривятся в жестокой ухмылке — и вот судьба кучера решена. Он вполне мог быть на ее стороне. Но, в конце концов, он просто еще один одноразовый Смиренный, а она Волшебница, у которой не задался день. Ее руки взлетают вверх, неуловимо быстро, четким зазубренным пятном, когда она высекает глиф в воздухе перед собой. Ку-

чер едва успевает закричать, как из земли у его ног вылетает каменное копьё, вонзающееся в его грудь, в спину и в Файза, стоящего позади. Оба мужчины стоят, ошеломленные, хватая ртом воздух, а затем копьё взрывается, не оставляя от них ничего, кроме пыли и тонкого красного тумана.

Мерцающие ночные глаза Алайны устремляются на меня. Я откидываюсь на руки, прижимая их к пояснице, просовывая их под платье, к кожаному поясу на талии, к его скрытым ножнам. Ладони находят две рукоятки и крепко сжимаются. У меня есть один шанс, всего один шанс выбраться отсюда живой. Алайна склоняет голову набок, изучая меня, как насекомое. И так же сильно, как я хочу ударить, так же сильно, как все мое тело кричит: «В атаку!», так же сильно, как мое предплечье покалывает, пульсирует, горит, я знаю, что должно подождать и позволить ей сделать первый ход.

Левая рука Алайны взмывает вверх, поднимая локусы. Сейчас.

Я издаю рев, вскакиваю на ноги и вытягиваю руки, обнажая два коротких ножа, вырезанные из кости, с острыми как бритва краями, рукоятки которых магически пульсируют. Мои локусы не такие великолепные, как у Алайны, но они сделают свое дело.

Я соскальзываю в Пустоту.

Мир вокруг меня тает, и время замедляется. Яркая зелень леса, голубое небо над головой, алая кровь, разбрызганная по деревьям, — все это исчезает в серой дымке, как будто сцену, окружающую нас, поглотил туман. Черный пепел летает в воздухе, словно падающий снег. В Пустоте нет ни единого звука, кроме биения моего сердца и оглушительного рева магии. На одно мгновение, на один жизненно важный момент все остальное исчезает. Остаемся только я и Алайна, противостоящие друг другу.

Я вижу, как ее глаза расширяются от шока в тот момент, когда она понимает, кто я, но уже слишком поздно. Она уже вырезала первые две линии глифа, и они парят в воздухе перед ней на конце ее левого локуса, призрачные, элегант-

ные и ярчайше-красные. Длинная линия вытянулась вниз под углом в сорок пять градусов, разделенная посередине вертикальным разрезом. Основа Огня. И, судя по тому, как она поднимает правый локус, по повороту запястья, я предполагаю, что она собирается обвести его для второй формы, создавая единый пылающий взрыв.

Это базовый глиф атаки. Такой, какой бы использовали, убивая беззащитного, съжившегося Смирненного. Это определенно не то, что нужно применять против другого Волшебника, но для Алайны уже слишком поздно. Она уже начала вырезать этот глиф, и, если остановится сейчас, он взорвется у нее перед носом. Опытный Волшебник мог бы его перенаправить, возможно, найти другую форму из этой основы, но Алайна далеко не так хороша. Поэтому, даже если она знает, что это не сработает, даже если она знает, что обречена, все, что Алайна может сделать, — это поднять правую руку и завершить его.

Пустота пульсирует вокруг, дымящаяся и темная. Я поднимаю локусы и с помощью двух костяных ножей вырезаю в воздухе перед собой собственный глиф атаки. Мои клинки глубоко вонзаются в кожу мира. Треугольник с тремя штрихами для основы Льда и заштрихованный шестиугольник вокруг него для второй формы прочного щита. Он сложнее, чем у Алайны, но это не имеет значения, потому что в Пустоте время движется медленно и работает в пользу обороняющегося. Огненный шар Алайны уже формируется перед ней, воздух вокруг колеблется от жара, но, прежде чем он добирается до меня, я закрываю шестиугольник, и мой глиф готов. Идеальный шестиугольный щит из голубого льда висит в воздухе, вращаясь, словно монета.

Я моргаю, перемещаясь обратно в Реальность. Цвета и звуки возвращаются в мгновение ока, как и привычное течение времени. Огненный шар Алайны несется на меня, как метеор, но мой ледяной щит устремляется ему навстречу, оставляя следы сверкающего инея в грязи под ним. Лед встречается с огнем, и лед побеждает. Огненный шар в по-

лете растворяется в пар. И мой щит проносится мимо него, таран из светящегося синего, который невозможно остановить. Алайна издает короткий крик, когда он ударяет в нее, а затем проходит сквозь нее, в нее. Ее кожа синее, а кровь замерзает в венах. В волосах потрескивает иней. Ее лицо так и застывает в выражении ужаса, даже когда глаза стекленеют, а дыхание замерзает на губах.

Щит в основном рассеивается при ударе, но несколько полосок льда со свистом улетают в лес, разбиваясь о деревья и замораживая кустарник. Алайна мгновение стоит, как статуя, а затем падает и неподвижно лежит, по-прежнему держа в ледяной хватке свои локусы.

Я судорожно выдыхаю, падая на колени. Все мое тело дрожит, колени подкашиваются. Левый рукав задран, и Божья метка пылает на предплечье. Это больно, так больно, как будто вся рука наполнилась льдом, что, наверное, недалеко от правды.

Меня резко поражает осознание. Я выиграла. Я действительно победила. Алайна не первая, кого я убила, но первая, кого я убила таким способом. Первый Волшебник, лицом к лицу, глиф против глифа. Моя первая настоящая дуэль против другого Волшебника, и я победила, оставшись без единой царапины. Я издаю дикий звук, что-то среднее между смехом и вздохом, и чувствую, как в груди разгорается чувство гордости. Видят Боги, я *действительно* победила.

Тут я слышу металлический щелчок позади себя. Это Дрелл. Он выбрался из кустов с кровоточащей царапиной на щеке. Он поднял арбалет Лиланда и целится им прямо в меня. Он не шутит.

— Она была Волшебницей, — говорит он, глядя на тело Алайны. Его голос тихий, ошеломленный, и я вижу, что арбалет едва заметно дрожит. — Она была Волшебницей. И ты убила ее.

— Да. Убила. Я спасла нам жизни. — Я изо всех сил стараюсь говорить спокойно и дружелюбно, даже когда мои глаза

сосредоточены на острие арбалетного болта. — Расслабься, Дрелл. Опusti арбалет.

— И ты... ты тоже Волшебница, — говорит он. — Во что, черт возьми, ты меня втянула?

— Полегче, Дрелл, — говорю я, и, хотя я не хочу причинять ему боль, мои руки тянутся к локусам. — Послушай меня. Все это — часть плана. Мы позаботимся обо всем. Никто не узнает, что ты имел к этому какое-то отношение.

— Часть плана? — повторяет он. — И ты знала об этом с самого начала, да? Ты все это подстроила! — Тихое ошеломление исчезло. Остался только гнев и удивительно много боли. — Ты из *них*! Ревенант! Проклятый мятежник!

— Дрелл, прошу, — умоляю я, и я действительно не хочу причинять ему боль. Он не святой, но он порядочный человек, во всяком случае, для бандита. И это моя вина, что он вообще здесь оказался. — Опusti арбалет, и я все объясню. Мы оба можем избежать этого.

— Нет. — Его лицо хмурится. — Только не ты.

Он нажимает на спусковой крючок, и я попадаю в Пустоту.

Время здесь замедляется, но не останавливается. Я вижу звон тетивы в арбалете Дрелла, когда он стреляет. Вижу, как стрела вылетает из древка и летит на меня. Она движется очень медленно, как будто под водой, но все равно достигнет меня секунд через двадцать, в лучшем случае тридцать. Я взмахиваю ножами и высекаю наипростейший глиф: четыре насечки для основы Ветра, окруженные формой Круга для толчка. Он пульсирует слабым белым светом, достаточным для того, чтобы я могла видеть сквозь пепельную дымку и различить выражение чистейшей ненависти на лице Дрелла.

Я возвращаюсь в Реальность. Порыв ветра вырывается из меня, и раздается мощный концентрированный взрыв. Этого достаточно, чтобы остановить стрелу в воздухе и отправить ее в сторону с безвредным свистом. Этого достаточно, чтобы разорвать арбалет на части. И этого достаточно, чтобы сбить Дрелла с ног и швырнуть спиной об дерево, где его лысая голова ударяется о ствол с ужасно громким треском.

Черт.

Он лежит, привалившись к стволу дерева, его ноги подергиваются, серые глаза широко раскрыты, а губы дрожат. Длинная полоса крови бежит по стволу к его затылку, который треснул, как блюдце, по которому слишком сильно ударили. Он еще жив, но это ненадолго.

— Ох, Дрелл, — говорю я, подходя к нему. Его глаза метнулись на меня, практически выскакивая из головы, и я вижу, как он напрягается, чтобы заговорить, заставить свое тело работать, заставить губы двигаться. Он молит о пощаде? Или угрожает мне, оскорбляя и проклиная мое имя? Если бы его руки могли двигаться, обхватил ли бы он ими мое горло?

Полагаю, это не имеет значения. В любом случае он заслуживает лучшего. С усталым вздохом я присаживаюсь на корточки рядом с ним и соскальзываю в Пустоту, чтобы высечь последний глиф в виде круга для жизни с полумесяцем вокруг. Затем возвращаюсь в Реальность и дую, совсем чуть-чуть. Глиф растворяется в пыли, сверкающей зеленой пылью, которая ослепляет, как звезды, и мягко плывет по лицу Дрелла, омывая его и погружаясь в него.

Этот глиф используется для того, чтобы помочь детям заснуть, подарить момент безмятежности и спокойствия. Во время глубокого вдоха грудь Дрелла вздымается, а глаза закрываются. Голова падает набок, и он лежит, неподвижный, умиротворенный.

Легкая смерть — меньшее, что я могла бы сделать.

Глубоко сглотнув, я поднимаюсь на ноги и отворачиваюсь. Я не могу себе позволить грустить о нем, не могу позволить себе что-то чувствовать. Не сейчас, не тогда, когда я так близко. Я закрываю глаза, вдыхаю один, два, три раза и хороню это чувство глубоко внутри.

«Мы на войне, — сказала бы Шепот. — А во всех войнах есть жертвы».

Прямо сейчас. Возвращаюсь к миссии. Теперь, когда все мертвы, у меня немного больше времени, чем я планировала, но рано или поздно кто-нибудь еще проедет верхом